

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680

О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова

МАТЕРИНСКИЙ ГЕЙТКИПИНГ В РОССИИ: МОЛОДЫЕ ОТЦЫ О МАТЕРЯХ И БАРЬЕРАХ ДОСТУПНОСТИ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ РАЗВОДА

Правильная ссылка на статью:

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

For citation:

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2020) Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 463—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

МАТЕРИНСКИЙ ГЕЙТКИПИНГ В РОССИИ: МОЛОДЫЕ ОТЦЫ О МАТЕРЯХ И БАРЬЕРАХ ДОСТУПНОСТИ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ РАЗВОДА

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, и.о. заведующей кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

Аннотация. Статья посвящена исследованию практики гейткипинга — материнских барьеров доступности детей после развода — в восприятии разведенных молодых отцов. Гейткипинг понимается как динамичный и взаимный процесс выстраивания барьеров, установления контроля, выдвижения обвинений, препятствующих выработке общих правил взаимодействия и достижения сотрудничества родителей в интересах ребенка в процессе и после развода. Показано, что конструирование идентичности разведенных молодых отцов определяется влиянием специфического феномена «уязвленной маскулинности». Он фиксирует болезненные переживания травмы гегемонной маскулинности, кризиса мужской идентичности вследствие проигрыша в борьбе за властную по-

MATERNAL GATEKEEPING IN RUSSIA: YOUNG FATHERS ABOUT MOTHERS AND THE BARRIERS TO ACCESS CHILDREN AFTER DIVORCE

Olga N. BEZRUKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Acting Head of the Department of Youth Sociology and Youth Policy

E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

Valentina A. SAMOYLOVA¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Social Work

E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of gatekeeping practices, namely the barriers raised by mothers to limit the access to children, as perceived by the divorced young fathers. Parental gatekeeping is defined as a dynamic and reciprocal process of creating barriers, establishing control, bringing accusations that prevent from the development of common rules for interaction and the achievement of parental cooperation in the interests of the child during and after the divorce. The authors conclude that the identity of the divorced young fathers is influenced by the so-called “wounded masculinity”. The phenomenon captures painful experiences of hegemonic masculinity, the crisis of male identity due to a loss in the struggle for a dominant position in the family and manifests itself through the feeling of insolvency, the fear

зицию в семье, проявляется в переживании несостоятельности, в страхе показаться слабым и испытывающим душевную боль, а также в чувстве обиды или ожесточения, агрессии.

Представлены результаты анализа интервью с 18 разведенными молодыми отцами и 5 специалистами по экспертизе семейных споров об определении места жительства ребенка и порядке встреч с отдельно проживающим родителем. На основе критериев целей и средств их реализации предлагается типология практик материнского гейткипинга. Сделан вывод, что в основе целей гейткипинга лежат стремление матерей к отчуждению отца от ребенка и «перезагрузке» жизни — своей и ребенка, дискредитация его в глазах детей, окружающих и в общественном мнении, месть, демонстрация доминирования матери, получение материальных благ. Анализируются различные практики контроля матерей над повседневными взаимодействиями отцов с детьми, стратегии ограничения и/или лишения отца родительских прав, финансового и алиментного контроля. Выделены четыре модели постразводного отцовства — «отца-жертвы», «отсутствующего отца», «борца за права», «вовлеченного отца». Предлагаются направления практической реализации результатов исследования — применение типологии практик гейткипинга в диагностике, экспертизе и социальной помощи разведенным родителям и их детям, развитие семейной медиации, внедрение технологий профилактики разводов, урегулирования семейных конфликтов, разработка программ по подготовке молодежи к семейной жизни и повышению культуры семейных отношений, совершенствование

of being seen as weak and emotionally wounded resulting in resentful feelings and aggression.

The authors present the results of a study based on the interviews with 18 divorced young fathers and 5 experts in family disputes on determining the child's place of residence and the visitation procedure for the non-custodial parent. Based on the criteria for goals and means for achieving the goals, the authors suggest a typology of maternal gatekeeping practices. The goals of maternal gatekeeping are as follows: mothers' desire to alienate the father from the child and "reset" their own life with the child, discrediting the father in the eyes of the child and the social circle, revenge, demonstration of mother's dominance, obtaining material benefits. The authors analyze various strategies of maternal control over the father's daily interactions with children, strategies to limit or terminate father's parental rights, financial support and alimony. Four models of post-divorce fatherhood are identified: "father as a victim", "absent father", "father fighting for his rights", and "involved father". The authors propose to use the results of the study in the following fields: the typology of gatekeeping barriers and practices can be applied in the diagnostic assessment, examination and social facilitation for the divorced parents and their children, family mediation, divorce prevention, development of awareness programs to prepare youth for family life and improve family culture, improvements to joint legal custody, etc.

правовых механизмов реализации совместной опеки родителей над детьми на паритетной основе на всех этапах развода.

Ключевые слова: гейткипинг, развод, отцовство, маскулинность, материнство, споры о детях, интересы детей

Keywords: gatekeeping, divorce, fatherhood, masculinity, motherhood, child-related disputes, child interests

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00543.

Acknowledgments. The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00543.

Введение

Глобальные тенденции изменений в семейных отношениях — сокращение числа регистраций браков, их неустойчивость, снижение рождаемости, рост числа разводов [Захаров, 2008; Amato, Meyers, Emery, 2009; Воронина, 2011; Егорова, Сизова, 2014; Kalmijn, 2015; Синельников, 2018 и др.]. Анализ данных статистики о браках и разводах показывает, что с середины XX века число разводов в России увеличилось втрое¹, распадается более чем каждый второй брак, в большинстве разводящихся семей (примерно в 60%) есть дети [Захаров, 2013, Шевченко, 2015]. Наиболее уязвимы к расторжению брака молодые семьи [Архангельский, 2013; Антонов, Лактюхина, 2015], специфическими особенностями разводящихся молодых семей выступают конфликты, в основе которых лежат существенные сдвиги в социокультурных смыслах и жизненных ценностях молодежи, изменения гендерных норм, противоречия между традиционными и современными представлениями о материнстве и отцовстве, идеальными моделями и их практическим воплощением в жизни семьи [Безрукова, 2017; Бурменская и др., 2018; Микляева, Румянцева, 2018; Зубок, Чупров, 2019; Клёцина, Иоффе, 2019 и др.]. Сокращается общая продолжительность брака, преодолевается разрыв между удовлетворенностью браком и его стабильностью [Население..., 2011: 73], дети больше не являются условием юридического оформления или продолжения брачных отношений [Гольцова, Лещенко, 2010; Архангельский, 2013; Антонов, Лактюхина, 2015: 21].

Отношение общества к разводам вполне лояльное. По данным ВЦИОМ, большинство россиян считают их допустимыми (89% в 2019 г. против 80% в 1990 г.)². Вместе с тем в последние годы отношение к ним стало более рациональным: 56% считают, что принимать решение о разводе или сохранении семьи стоит исходя из конкретной ситуации (в 1990 г. эта доля составляла 36%). При этом только 10% опрошенных категорически не принимают возможность расторжения брака,

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 27.06.2020).

² Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 27.06.2020).

выступая за его сохранение вне зависимости от причин (13% в 1990 г.), еще треть респондентов не поддерживают развод, если семья фактически не распалась (30% против 39% в 1990 г.).

Одно из негативных последствий развода — споры родителей об определении места жительства ребенка и порядке встреч с отдельно проживающим родителем [Даниленков, 2013; Шелютто, 2013; Зыков, 2018; Якушев, 2018 и др.]. Право отца на воспитание и заботу о детях наравне с матерью гарантируется ст. 19 ч. 3 Конституции РФ, а также закреплено в Семейном кодексе РФ (см. ст. 1 п. 3, ст. 16). Конвенция ООН о правах ребенка предписывает при решении вопроса о проживании ребенка с родителями исходить из нормы о соблюдении «наилучших интересов ребенка»³. Правовые нормы поддерживаются и все более демократичными взглядами граждан на важную роль разведенного отца в воспитании детей. За последние годы значительно выросла доля согласных с мнением, что решение, кому оставлять ребенка в случае развода, следует принимать в зависимости от конкретных родителей и ситуации в семье (58% в 2019 г. против 43% в 2015 г.). При этом в два раза снизилась доля сторонников выбора в пользу матери (20% против 38% в 2015 г.). Мнения о том, что никто из родителей не сможет в одиночку хорошо воспитать ребенка, придерживаются 15% респондентов⁴.

Вместе с тем на практике в 90% случаев после развода дети остаются с матерями [Ржаницына, 2012: 14], при этом нередки ситуации, когда матери препятствуют общению детей с отцом. Судебные решения, в соответствии с которыми матери становятся единственными опекунами ребенка, поддерживаются гендерными нормами и стереотипами о матерях как естественных и умелых родителях, предубеждениями в отношении способности мужчин заботиться о детях [Здравомыслова, Темкина, 2007; Безрукова, Самойлова, 2017, 2019; Иссерс, 2017; Клупт, 2020].

Несмотря на острую актуальность в изучении проблем постразводного отцовства, последствий споров родителей о месте жительства и общении детей с отцами после развода, подобных исследований в российском научном дискурсе совсем немного [Гурко, 2018: 46; Солodников, 2018: 281]. Интерес исследователей фокусируется на причинах разводов в молодых семьях с детьми [Лактохина, Антонов, 2016; Синельников, 2017], рассматриваются российская специфика алиментных обязательств и проблемы уклонения от выплаты алиментов [Воронцова, 2000; Прокофьева, Валетас, 2002; Гурко, 2008; Ржаницына, 2010, 2012, 2015; Иванова, 2018], авторы акцентируют внимание на типологии разведенных отцов [Иванова, 2017; Русских, 2018; Шевченко, 2015; Янак, 2016], анализируют практики отцовской вовлеченности в воспитание детей после развода [Гурко, 2013; Шевченко, 2015; Шелуханова, 2017; Русских, 2018; Янак, 2018; Borisenko, Evseenkova, 2019]. Вместе с тем остаются неизученными возможности совместной равноправной опеки над детьми для родителей после развода, способы достижения родительского консенсуса, дискриминация отцов в судах и потеря прав на опеку над деть-

³ Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // ООН: Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 27.06.2020).

⁴ Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 27.06.2020).

ми, практики активности отцов в защиту отцовских прав и борьбы за изменения в законодательстве и семейной политике, ограничения или нарушение равенства прав отцов и матерей на воспитание детей после развода.

Цель статьи состоит в анализе материнских барьеров доступности детей после развода в восприятии разведенных молодых отцов. Ключевые исследовательские вопросы: какие препятствия создают матери, ограничивая отцов в контактах с детьми после развода? Какие стратегии используют матери для управления и контроля за отцом? Какова мотивация матерей в семейных спорах о детях в восприятии отцов? Как молодые разведенные отцы воспринимают бывших жен и материнские барьеры доступности детей? Каковы причины вовлечения отцов в противостояние с матерью в борьбе за доступность ребенка?

Теоретические и эмпирические исследования гейткипинга

Участие обоих родителей в жизни ребенка относится к неоспоримым характеристикам жизненной ситуации, наиболее благоприятной для его роста и развития. Это положение соответствует представлению о наилучших интересах ребенка и в том случае, когда родители расстаются, в идеале каждый родитель поддерживает отношения другого родителя со своим ребенком или, по крайней мере, не создает препятствий для их общения. В период совместной жизни родители разделяют права, обязанности и радости воспитания детей, важно, чтобы и в случае расторжения брака они делились ими, особенно это касается радости общения.

Развод чаще сопровождается ограничением контактов с ребенком для одного из родителей, как правило, отца. В зарубежных исследованиях накоплены значительные свидетельства ограничения доступа к ребенку, установленного для бывшего супруга либо в неофициальном порядке, либо в соответствии с законными условиями опеки [Fabricius et al., 2010]. Практика контроля общения с ребенком получила название *гейткипинг* (gatekeeping), буквально — регулирование доступа к ребенку путем «открытия/закрытия ворот», входной контроль, с помощью которого один из родителей ограничивает (или делает возможным) взаимодействие другого со своим ребенком/детьми [Allen, Hawkins, 1999]. С. Аллен и А. Хокинс, авторы наиболее часто цитируемого определения, делают акцент на нежелании матери отказаться от лидирующей роли и родительской ответственности, устанавливая жесткие стандарты, стремясь утвердить и подчеркнуть материнскую идентичность и поддерживая дифференцированную концепцию семейных ролей. Это определение отмечает важность убеждений, поведения и результатов как составляющих гейткипинга.

Хотя более традиционным является фокус на процессах торможения доступа к ребенку, современная точка зрения состоит в том, что существует некий континуум, который отражает варианты от стимулирующего к ограничивающему воздействию одного из родителей, от проактивного и позитивного — до ограничительного и негативного [Trinder, 2008; Austin et al., 2013]. Позитивный полюс — содействующее управление (facilitative gatekeeping, FG), когда родитель-опекун выступает за поддержание конструктивных отношений с ребенком родителя-нерезидента, способствует этому и демонстрирует ребенку, что ценит вклад другого родителя. Промежуточная форма — защитное управление (protective gatekeeping, PG) — воз-

никает, когда родитель действует, чтобы ограничить участие другого родителя или критикует его родительские навыки из-за опасений по поводу возможного вреда для ребенка. На негативном полюсе — ограничительное управление (*restrictive gatekeeping, RG*) — относится к действиям одного из родителей, направленным на то, чтобы помешать участию другого родителя общаться с ребенком [Austin et al., 2013]. По другой классификации выделяется пять типов: «активное» и «условное открытие ворот», «пассивное управление воротами», «оправданное» и «активное закрытие ворот» [Trinder, 2008].

Сравнительно чаще в роли родителя-привратника выступает мать, это нашло отражение в данных ряда исследований [Allen, Hawkins, 1999; Fagan, Palkovitz, 2011 и др.] и в определениях самого понятия гейткипинга как попытки матерей ограничить или исключить отца из ухода за детьми и общения с ними, степени материнского контроля на входе, когда женщины ограничивают доступ своих детей к отцу [Allen, Hawkins, 1999; Fagan, Barnett, 2003]. Среди причин материнского гейткипинга наиболее влиятельными исследователи считают три фактора: гендерную идеологию, восприятие отцовской компетентности и родительский конфликт [Trinder, 2008].

Если отношения между супругами заканчиваются и переструктурируются, культурный мандат — брать на себя главную роль в качестве опекуна — принадлежит матерям, они и получают большую власть в этой области над отцами [Adamsons, 2010; Austin et al., 2013; Puhlman, Pasley, 2013]. По данным американских исследований, более чем в 80 % случаев при разводе правами опеки над детьми наделяют матерей [Cancian et al., 2014]. Во многом это обусловлено традиционным предположением, что женщины — более компетентные опекуны, а отцы менее подготовлены для выполнения обязанностей по уходу за детьми [Bietel, Parke, 1998; Jeynes, 2015].

То, сколько времени отец будет проводить с ребенком, зависит от личного восприятия матерью родительских способностей отца и его приверженности интересам ребенка [Trinder, 2008; Austin, Fieldstone, Pruett, 2013]. Отношение матерей к отцовскому воспитанию после развода связано с тем, как они его оценивали во время брака [Pruett, Arthur, Ebling, 2007], и чем в большей степени матери были удовлетворены воспитанием, тем более тесно, как правило, отцы связаны со своими детьми. Согласно исследованию Л. Триндер, немногие матери в выборке оценивали позитивно своих бывших партнеров, но те, кто считал их достаточно хорошими папами с добрыми намерениями, не препятствовали, а способствовали общению между ними и детьми [Trinder, 2008].

Наличие и острота конфликта в отношениях бывших супругов в значительной степени определяют то, какая складывается практика взаимодействия ребенка с родителем-нерезидентом. Если мать негативно относится к отцу, он обычно взаимодействует с ребенком меньше [Kulik, Tsoref, 2010]. Переопределение отношений в переходный период оказывается довольно сложным для всех родителей. Даже те, кто ориентирован на интересы ребенка и поддерживает конструктивный контакт, под влиянием интенсивных эмоций, связанных с разводом и судебным разбирательством, проявляют тенденцию к жесткому, негативному мышлению о бывшем партнере как о личности и как о родителе, которая часто имеет вре-

менный характер. Для разводов с высоким уровнем конфликта характерны двухсторонние ограничивающие стратегии (RG) [Austin et al., 2013].

Большая часть исследований была сфокусирована на матери как на главном попечителе ребенка [Beitel, Parke, 1998; Puhlman, Pasley, 2013; Sturm, Antonakis, 2015]. Однако термин «материнский гейткипинг» все чаще признается устаревшим и ограничивающим представлением о реальном взаимодействии, поскольку оба родителя реагируют на отношение к ребенку и поведение друг друга и используют свою силу и полномочия, чтобы получить как можно больше, контролируя при этом действия бывшего супруга [Puhlman, Pasley, 2013; Cancian et al., 2014]. Как отмечают авторы, гейткипинг — это «двухсторонний процесс, а не линейный однонаправленный акт» [Trinder, 2008: 1298], модель практики взаимного контроля, результат общего набора мнений о воспитании детей [Arellanes, Parke, Gudmunson, 2017].

Основным средством для расширения возможностей доступа к своим детям у отцов выступают финансы. Исследования показывают, что матери с большей вероятностью отказываются от посещения ребенка отцом, если не получают от него финансовой поддержки, и что вероятность воссоединения с детьми более чем в три раза выше у отцов, которые предоставляют финансовую и/или нефинансовую поддержку, чем у тех, кто не оказывает никакой поддержки [Coakley, Shears, Randolph, 2015]. Споры о детях и о финансах часто взаимосвязаны: отец контролирует поток денег, но ощущает контроль со стороны бывшей супруги; если она активно пытается препятствовать доступу к ребенку, отец может угрожать урезать выплаты, тем самым оказывая на нее давление. Эта мера оказывается чувствительной, если во время брака в семье было сильное разделение по признаку пола — тогда и после развода гендерные практики обеспечения и воспитания детей продолжают. В случае распада эгалитарной семьи с двумя доходами финансы как средство контроля не играют столь значимой роли, и матери чаще ценят роль самого отца, считая его участие критически важным для обеспечения интересов ребенка [Moore, 2012].

Финансовые инструменты могут использоваться обоими родителями в их противоборстве, выступая в том числе как средство манипуляции и обмана. Так, мужчины скрывают свои активы от жен и от судей, чтобы отделить их от «общего финансового пула», который будет впоследствии разделен [ibid.]. Отцы имеют больше шансов получить опеку над своими детьми после развода, если у них есть финансовые возможности обеспечить себе хорошее юридическое представительство [Cancian et al., 2014]. Когда матери экономически уязвимы, отцы могут ограничивать денежные средства, усиливая свою власть и одновременно создавая имидж матери как непригодной для ухода за детьми. Матери, в свою очередь, указывают на то, что отцы мало заботятся о своих детях, поскольку не обеспечивают их должным образом. При этом содержание ребенка (алименты) становится валютой, олицетворяющей любовь и заботу, и такие матери воспринимают неплатеж или недоплату как недостаток любви и заботы [Moore, 2012]. Если отцы не платят алименты, матери могут удерживать ребенка. Но и в случае выплаты алиментов факты свидетельствуют о том, что отцы не получают значительно большего доступа к своим детям [Jeunes, 2015].

Таким образом, проведенные исследования показывают, что достижение договоренностей между бывшими супругами по поводу общения с ребенком родителя-нерезидента зависит от установок и поведения обеих сторон, и поведение матерей является «по крайней мере, частичным ответом на убеждения и поведение отцов, а также, в свою очередь, «задает», что отцы могут или не могут делать» [Trinder, 2008: 1320]. «Работа ворот» — динамичный процесс, родители оказывают постоянное и взаимное влияние друг на друга. В семьях, где «ворота» активно открывались, отцы ценили поддержку и сами поддерживали матерей, что вызывало реакцию последних, за счет чего позитивный цикл повторялся. Напротив, в отсутствие ролевых сделок родители оказывались «запертыми в отрицательном круге взаимного недоверия»: матери не способствовали контакту, а отцы чувствовали себя обделенными и недооцененными и поэтому стремились защитить и укрепить свою позицию, из-за чего матери чувствовали себя эмоционально истощенными и находящимися в осаде [ibid.: 1321].

При этом стремление снять с себя ответственность за то, что контакты родителя-нерезидента с ребенком не поддерживаются, характерно для обеих сторон. Как отмечает в своей работе Л. Триндер, ни одна из матерей, ограничивающих доступ отца к ребенку, не сообщила, что она против контакта — причиной называлось благополучие детей, а также их собственное желание сократить или прекратить контакт. Напротив, ни один отец не признал, что действия матери были оправданными: все утверждали, что это матери активно препятствовали доступу, чтобы монополизировать воспитание детей по необъяснимым причинам или из-за мстительности [ibid.].

Очевидно, что избежать субъективизма в эмоционально нагруженной ситуации, какой является развод, непросто. К настоящему времени проведено значительное количество исследований о препятствиях для участия отца, которые отражают негативные взгляды других людей относительно вклада и потенциала отцов [O'Donnell et al., 2005]. Как правило, эти исследования состоят из данных, запрошенных у матерей детей в разведенных семьях, работников социальных служб или из других источников, но не от самих отцов [Coakley, Shears, Randolph, 2015]. Данные об участии отца, полученные только из материнских отчетов, содержат информацию матерей о своем собственном поведении, связанном с отцом, об отношении к отцам и их родительской компетентности [Fagan, Barnett, 2003]. Альтернативным подходом было бы получение более объективных показателей участия отцов от них самих.

Методология исследования

Теоретико-методологические подходы исследования базируются, во-первых, на понимании отцовства (fatherhood) как социального института, системы прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры; индивидуальной и рефлексивной социальной практике (fathering), сложного феномена, включающего множество компонентов и подвергающегося различным факторам воздействия [LaRossa, 1997; Doherty, Kouneski, Erickson, 1998; Coltrane, 2004; Кон, 2009; Plantin, Olukoja, Ny, 2011]. Ведущим фактором, определяющим

степень участия отца в заботе о детях, выступает поддержка матери [Doherty, Kouneski, Erickson, 1998], дифференцированная в зависимости от наличия у нее культурных и экономических ресурсов [Безрукова, 2013; Безрукова, Рыскина, Самойлова, 2016]. В исследованиях показано, что позитивное отношение к продолжению контактов отцов со своими детьми после развода скорее будут иметь представительницы среднего класса, имеющие высшее образование, приверженность идеологии гендерного равенства, партнерства в воспитании детей, на практике поддерживающие вовлеченность отца [Arendell, 1996]. Напротив, матери с недостаточным уровнем образования, сторонницы концепции разделенного родительства и консервативных взглядов на роль отца в семье, с жесткими, авторитарными воспитательными установками, скорее, будут препятствовать контактам отцов с детьми [Allan, Hawkins, 1999: 203; Fagan, Barnett, 2003: 1025; Безрукова, Самойлова, 2016: 51].

Во-вторых, реализуемые в исследовании подходы основываются на понимании гейткипинга (gatekeeping) как практики управляющего воздействия, контроля одного из родителей (чаще матери) или обоих родителей попеременно, ограничивающего контакты с детьми после развода [Allen, Hawkins, 1999; Trinder, 2008]. При этом, переходя от акцентирования внимания на ведущей роли матери в практиках контролирующего поведения к пониманию двусторонности конфликтного взаимодействия [Fagan, Barnett, 2003; Trinder, 2008; Arellanes, Parke, Gudmunson, 2017], мы утверждаем, что гейткипинг — динамичный и взаимный процесс выстраивания барьеров, установления контроля, выдвижения обвинений, препятствующих выработке общих правил взаимодействия и достижения сотрудничества родителей в интересах ребенка в процессе и после развода.

В-третьих, мы опираемся на понимание того, как разведенные отцы строят свою идентичность. Теоретические положения концепции гегемонной маскулинности позволяют понять, как в повседневной жизни мужчин реализуется стратегия их доминирования с позиции власти [Carrigan, Connell, Lee, 1985; Connell, 1995], и как эта стратегия подвергается испытаниям в ситуации развода, каким образом и почему происходят социальные изменения в ортодоксальной мужской идентичности [Pleck, 1987; LaRossa, 1988; DeGarmo et al., 2010; Poole et al., 2016]. В контексте логики интерсекционального анализа [Здравомыслова, Темкина, 2018: 52] объясняется «кризис маскулинности» как проблематизация мужского опыта», что предполагает «диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется» [там же: 63].

Одновременно с этим мы основываемся на том, что маскулинная идентичность неоднозначна, противоречива и множественна, она представляет собой «культурно предписанный сценарий, от реализации которого зависит относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие его окружающими» [Тартаковская, 2002: 113]. Исследователи делают вывод, что мужчине приходится прилагать значительные усилия, чтобы избежать «срыва сценария» успешной мужественности, противостоять угрозе провала, сползания к проявлениям «несостоявшейся маскулинности» (failed masculinity) как синониму жизненного краха [Pleck, 1976; Ashwin, 2001; Тартаковская, 2002: 114]. Это во многом объясняет

проявления специфического феномена «уязвленной маскулинности», обуславливающего эскалацию конфликта бывших супругов и то, как разведенные отцы строят свою идентичность.

«Уязвленная маскулинность» — это болезненные переживания травмы гегемонной маскулинности, кризиса мужской идентичности вследствие проигрыша в борьбе за властную позицию в семье, проявляющиеся в ощущении собственной несостоятельности, ущербности и в то же время страхе показаться слабым, испытывающим душевную боль, в чувстве обиды или, напротив, злобы, ожесточения, агрессии. Уязвленная маскулинность как осечка в развитии «сценария гегемонной маскулинности» проявляется в нескольких специфических моделях поведения. (1) Отец может получить глубокую эмоциональную травму, испытывать чувство незаживающей раны, переживания предательства, обиды, вследствие чего формируются защитные поведенческие реакции отчужденности, сочетающиеся с болезненным реагированием. (2) Унижения и оскорбления бывшей жены порождают в ответ ожесточение, озлобление, агрессию, а вместе с ними и оборонительную реакцию — готовность бороться за свои права «до победного конца», а иногда и стремление противодействовать, препятствовать, «уничтожить». (3) Отец занимает пассивную позицию, считает невозможным противостоять агрессивному натиску бывшей жены, неспособен постоять за себя, проявляет слабость, избегает контактов с ней или разрывает отношения.

Таким образом, возможны разные модели постразводного отцовства — «отца-жертвы», потерпевшего от враждебности матери своего ребенка и стремящегося воскресить или построить заново маскулинную идентичность, приспособившись к новой ситуации; «отсутствующего» отца, прекращающего контакты с бывшей женой и ребенком; «отца — борца за права», стремящегося восстановить гегемонную маскулинность, питающую образ настоящего мужчины, а также «вовлеченного отца», отражающая попытку «реабилитировать» собственную маскулинность, уязвленную разводом и потерей властной позиции в семье» [Иванова, 2018: 132]. Если в основе первых трех моделей скорее лежит забота о собственной личности, стремление восстановить самоуважение, то для «вовлеченного» отца на первом месте стоят интересы ребенка и забота о его благополучии.

Дизайн исследования

Эмпирическая основа статьи — материалы исследования, проведенного в 2019 г. в Санкт-Петербурге. Эмпирическим объектом исследования выбраны молодые мужчины, поскольку именно новое поколение отцов чутко реагирует на меняющиеся тренды отцовства и последовательно выстраивает более равноправный сценарий родительства, стремясь в большей степени оставаться в жизни своих детей по сравнению с поколением своих отцов. Для молодых мужчин — нового поколения отцов — свойственны вовлеченность, приверженность идеологии равной ответственности родителей за заботу о детях, открытость новому опыту [Mille, Browning, Spruance, 2001; Безрукова, Самойлова, 2017: 123; Andreasson, Johansson, 2019], нежелание повторять жизнь с одним родителем [Bradshaw et al., 1999; Rosenberg, Wilcox, 2006], практики борьбы отцов за права [Jordan, 2009, 2018]. Собрано 18 интервью с разведенными молодыми

отцами. Проведены пять интервью с экспертами — специалистами аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге, руководителем отдела опеки и попечительства муниципального образования одного из районов города, специалистом по психолого-педагогической экспертизе гражданских дел об определении места жительства ребенка и порядке встреч с отдельно проживающим родителем, медиатором, конфликтологом. Выборка целевая, критерии отбора специалистов — опыт работы с семьями в ситуации развода/постразвода (от пяти лет), отцов — семейное положение (разведены), развод состоялся три и более лет назад, наличие спора с бывшей женой по поводу проживания, общения и воспитания ребенка, возраст до 35 лет, наличие несовершеннолетнего ребенка/детей, нет основной опеки над ребенком (детьми). Возраст опрошенных отцов: 25—35 лет, высшее образование имеют 17 человек, среднее специальное — 1. Разведены с матерью ребенка — 18. Одного ребенка имеют 11 человек, двое детей — 5, у двоих отцов помимо кровного ребенка в семьях были дети бывшей жены от предыдущих браков. Материальное положение оценили как в целом хорошее 15 человек, 3 — как удовлетворительное. Повторно женаты — 2, имеют постоянные отношения — 7, одиноки — 8. Метод исследования — глубинное интервью. Продолжительность — от 1 часа до 3 часов.

Стратегия анализа данных включала транскрибирование интервью, затем все тексты интервью анализировались с помощью качественного кодирования информации, классификации и типологизации, аналитической интерпретации полученных данных.

Материнский гейткипинг: барьеры в доступности детей для разведенных молодых отцов

Материалы исследования показали, что конфликтные отношения бывших супругов в процессе развода и постразводной ситуации порождают препятствия, снижающие доступность для отцов заботы о детях. В ходе исследования мы акцентировали внимание на практиках препятствий, создаваемых матерями, но отмечали и ограничения, которые используют отцы против матерей. По результатам обсуждения с отцами и экспертами были выделены основные, типичные представления, оценки, идеи, действия, которые приобретают характер своеобразной доминанты, лежащей в основе практик матерей по созданию барьеров доступа отцов к детям после развода. Можно условно разделить их на два уровня: одни из них отражают цели, которые преследуют матери, а другие представляют собой средства достижения этих целей (см. табл. 1). Рассмотрим подробнее типы материнского гейткипинга, цели и средства их достижения.

«Папа плохой!» проявляется в том, что в восприятии ребенка, родителей, ближайшего окружения бывшая жена стремится создать образ плохого отца, который бросил ребенка, разрушил семью. Давление на мужчину часто сопровождается обвинениями в том, что отец пренебрегает интересами ребенка в любви, заботе: *«Папа тебе больше не папа»* (М., 28 л., реб. — 5 л.); *«Папа нехороший, он тебя бросил, у него другая теперь женщина, у него будет другая семья»* (М., 31 г. реб. — 6 л.); *«Папа негодяй, он никогда не любил тебя, у него есть другой ребенок, которого он любит»* (М., 33 г., реб. — 8 л.).

Таблица 1. Типология целей и средств их достижения в практиках материнского гейткипинга

Цели гейткипинга	Средства достижения целей	Типы гейткипинга
Дискредитация отца в глазах ребенка, окружающих, в общественном мнении	Психологическое давление, обвинения, создание негативного, рискованного и опасного образа отца, внедрение идеи о недоверии бывшему мужу как отцу, создание образа некомпетентного и неумелого отца, привлечение специалистов к подготовке ложных и фальшивых экспертиз, шантаж, обвинения в сексуальных притязаниях или насилии, введение в заблуждение судей, специалистов по психолого-педагогической экспертизе, компромат, использование личных данных бывшего мужа (фактов биографии, фотографий, дневниковых записей, медицинских карт и др.) с целью опорочить, создать плохую репутацию.	«Папа плохой!» Создание образа опасного отца. Обвинения в сексуальных домогательствах к ребенку.
Отчуждение отца от ребенка и «перезагрузка» жизни — своей и ребенка	Запрет на общение, воспитание детей; ребенку дается фамилия нового мужа, ребенку дается информация о том, что отец пропал, исчез, забыл о ребенке, о том, что отец — чужой человек, лишенный прав на воспитание; блокирование контактов отца с ребенком; помехи для общения, манипулирование информацией о заседаниях суда, введение в заблуждение судей, специалистов по психолого-педагогической экспертизе, сокрытие информации о месте проживания ребенка; избегание контактов; переезд в другой город, район, регион, страну; воспитание ребенка родственниками.	«Папа — лишний!» Затягивание судебного процесса. Нарушения порядка общения. Полная блокировка или запрет на коммуникации. Географическая сепарация. Передача ребенка на воспитание своим родителям, близким родственникам.
Демонстрация доминирования матери	Агрессивные высказывания, унижение, запрет на общение отца с ребенком, жесткие ограничения, создание правил, в том числе трудновыполнимых, противодействие отцу, нарушения общения в установленном судом порядке, штрафные санкции, общение с ребенком только в присутствии матери.	«Не хочу и не дам, все равно не дам!» Нарушения порядка общения. Общение только в присутствии матери. Требование соблюдения жестких правил.
Месть	Оскорбления, угрозы, запугивания, агрессивные действия бывшей жены и ее родителей.	Запугивания, угрозы, оскорбления. Требование соблюдения жестких правил.
Получение материальных благ	Подготовка фальшивых экспертиз, компромат, хронометраж времени, проведенного отцом с ребенком в соответствии с постановлением суда, отслеживание нарушений в порядке общения отца с ребенком, выплаты алиментов и дополнительных денег на содержание ребенка, притязания в отношении собственности бывшего мужа и его семьи, выплата кредитов в интересах бывшей жены, контроль за размером и регулярностью алиментов.	Ограничение и/или лишение отца родительских прав. Финансовые притязания. Алиментный контроль.

По мнению участников исследования, бывшая супруга пытается создать негативный образ отца — «раздолбая», «эгоиста», «безответственного придурка» не только в глазах ребенка и родственников, но и у воспитателей в детском саду, школьных педагогов, тренеров спортивной секции, психологов: «Она все время подчеркивала, что я просто такой неумеха, что со мной нельзя оставить ребенка одного, а нужно все время «нависать»» (М., 35 л., реб. — 8 л.). Обвинения матерей воспринимаются отцами чрезвычайно болезненно: «Она сначала была вообще против того, чтобы я виделся с ребенком, в принципе. Ты бросил ребенка и делаешь ему только хуже, уйди уже, видеть тебя не хочу» (М., 35 л., реб. — 8 л.), а действия оцениваются как несправедливые, лживые, вызывают обеспокоенность и сопротивление: «Взяла из школы справку про собрания, с каких-то курсов по самбо, что отца ни разу не видели, он его не приводит. Какой-то знакомый психолог заключение написал, что ребенок закрытый, плюс от врачей была кипа справок, что он болеет все время, и каким-то образом пыталась подбить, что он болеет после того, как со мной встречается» (М., 34 г., реб. — 7 л.).

Для создания образа неадекватного человека, склонного к деструктивным реакциям, используются различные способы, могут привлекаться и специалисты, выполняющие недостоверные экспертизы: «В том психологическом центре работает мама ее адвоката, то есть они специально меня заманили и сказали, что мои тесты выражают мою неадекватность, склонность к агрессии, насилию» (М., 35 л., реб. — 6 л.). Как правило, отрицательные отзывы распространяются и на членов семьи мужа, ближайших родственников, таким образом происходит эскалация конфликта, вовлекающая в зону противостояния всю родню: «Еще она обвиняла на суде мою бабушку, которой сейчас 83 года, что она как-то не так протирает пыль, то есть если я захочу съездить к своей бабушке с ребенком, то там такие плохие условия, что ребенок пропадет, хотя бабушка у меня очень чистоплотная. То, что она говорила, это просто полная ерунда» (М., 35 л., реб. — 6 л.).

Такая стратегия отторжения мужчины как отца может объясняться своеобразным семейным наследованием, жизненным сценарием, формирующимся в семьях одиноких матерей или семей с доминирующей и властной матерью. В силу обесценивания бывшего супруга в качестве мужчины женщина воспринимает его образ отца в «черных красках»: от негативной оценки отдельных характеристик или поступков до полного отвержения. По мнению одного из экспертов, в таких ситуациях матери практикуют тактику «доведение ребенка до ненависти к отцу».

На ребенка в семье оказывалось такое влияние, что она ненавидела и отца, и его родственников. Отцу запрещено было видаться, бабушка навещала внука в присутствии третьего лица, адвоката. Адвоката приходилось приводить в себя. Настолько она была потрясена истериками, которые она видела со стороны девочки и необоснованное поведение такое. (Э.)

Жена долго не могла объяснить, зачем она все это делает, потом начала грязь на меня лить, по два с половиной листа. Писала, что я целыми днями пью, детей бью, ее бью, людей насилую, езжу на танке с двумя автоматами, надо спасать мир от меня: «Я думала он борется со злом, но только пожив с ним, поняла, что он и есть зло». В таком

вот ключе 2,5 листа, я читал. Я говорю: «Зачем ты это все пишешь, это же не правда? Зачем эта грязь, нас все равно разведут». (М., 35 л., двое детей)

«Папа — лишний!» проявляется в ситуациях, когда бывшая супруга вступает в новые отношения или повторно выходит замуж. Мотивация данной практики скорее лежит в стремлении к отчуждению себя и ребенка от отца, желании начать новую жизнь с «чистого листа», провести «перезагрузку» жизни — своей и ребенка. В этом случае мать начинает запрещать видеться с ребенком на основании того, что у него появился новый «хороший» отец. В отдельных случаях мать стремится не только создать другую семью, но и закрепить обновленный статус ребенка фамилией нового мужа, что вызывает защитную реакцию отца, проявляемую в виде агрессивной риторики и действий: *«Она сказала, что у ребенка теперь есть другой отец, и есть кому позаботиться о нем, а мне нужно убраться, забыть, родить себе других детей. Это нормально?»* (М., 34 г., реб. — 4 г.). Другой вариант — когда бывшая жена пытается приучить ребенка к мысли, что отец «пропал», «забыл о ребенке», исчез из его жизни: *«Я просто не хочу, чтобы она специально заставляла его забыть об мне, чтобы она не прививала ему, что я посторонний, чужой. Это вообще верх дурдома! Ему заново знакомиться придется. Главное, чтобы вспомнил меня»* (М., 30 л., реб. — 3 г.)

Для многих отцов неприемлема ситуация, в которой они характеризуются как «чужие» люди, не имеющие права общаться с ребенком, забирать его из детского сада, играть с ним:

Она не дает мне видеться с ребенком. Вообще никак. Вот я прихожу в детский сад, иду к заведующей, представляюсь, даю свои документы, они смотрят, что родительских прав не лишен, ребенок меня узнает, мы играемся. Но в третий раз они позвонили, и она приехала с криками: «Это не твой папа, это чужой дядя, собирайся, и мы уходим домой!» Ну понятно, что при маленьком ребенке я просто развернулся и ушел. (М., 34 г., реб. — 4 г.)

Запугивания, угрозы, оскорбления — отцы отмечали стремление бывших жен запугать:

В милицию написал заявление, о том, что она угрожает мне. Она всякую ерунду писала по телефону, я вас там убью, отправлю, закопаю. (М., 35 л., реб. — 8 л.)

Один из отцов возмущался тем, что любое его появление в квартире бывшей супруги с просьбой увидеть ребенка, превращалось в битву с оскорблениями, к которой подключались ее родители:

Желчь такая вся полезла, «контры» начались. Все это время у меня стояла цель — увидеться с ребенком. Мне вообще было пофиг, что там и как. Я приезжал, меня просто «говном» поливали, вся семья, лезли в драку, то есть я один, а они все втроем меня уничтожали. (М., 28 л., двое детей)

Другой отец отмечал, что оскорбления, угрозы непрекращающиеся несколько лет после развода, не дают возможности спокойно общаться с ребенком:

Со всех мессенджеров льются в мою сторону оскорбительные вещи, теперь уже и по отношению к ребенку: ты зачем это, зачем то сделал? (М., 35 л., реб.— 6 л.)

Вовлечение в зону конфликта членов семьи, их агрессивные действия иллюстрирует высказывание одного из отцов:

Встретились на улице с дочкой и тещей, теща всячески мне преграждала путь, не давала с дочкой пообщаться, кулаками махала, дралась. Выставляют все, что я дочку увидел и должен мимо проехать. Попираются права не только отца, но и детей. Даже ребенка никто и слушать не хочет. (М., 35 л., сын 8 л., дочь 5 л.)

«Не хочу и не дам, все равно не дам!» проявляется в действиях и агрессивном дискурсе бывшей жены, которая противодействует контактам отца с ребенком, не приводя никаких аргументов, несмотря на судебные решения, формальные и неформальные договоренности. Такие практики контроля объясняются стремлением бывшей жены доминировать в отношениях, авторитарной логикой, склонностью к директивным указаниям, оцениваются мужчинами как проявления «самодурства и глупости»:

В конечном счете суд постановил, что порядок встреч — до 7 лет 3—4 часа в день, после 7 лет — до 9 часов и на весь день, после 9 — на пару дней и так далее. Но по факту с ее стороны это не реализовывалось. Я пытался регулировать встречи, дозволенные судом, но это было безуспешно. Ребенка я не видел. Она сказала: «Только через мой труп! Мне суд не указ. Не хочу и не дам!» (М., 33 г., реб.— 7 л.)

Требование соблюдения жестких правил заключается в том, что бывшая жена составляет перечень правил, которые отец должен соблюдать, чтобы иметь возможность встречаться с ребенком. При нарушении какого-либо из правил мужчина подвергается соответствующим штрафным санкциям, которые скрупулезно разработаны и подробно прописаны. Как правило, в такой роли выступают женщины с высоким уровнем образования, педантичные, жесткие и чрезвычайно требовательные. Вместе с тем им тесно «работать по шаблону», их отличает креативность в практиках ограничения отца:

Все было спокойно: без криков и истерик с ее стороны. Но настоящая садистка! Концлагерь отдыхает! Опоздал, просрочил — платил деньгами, вещами, раздеваниями, сексом. (М. 35 л., реб.— 7 л.)

Нарушения порядка общения — невыполнение матерью порядка общения отца с ребенком в процессе развода/после развода, до судебного решения/после суда. При блокировании контактов отца с ребенком матери, как правило, аргументируют это целесообразностью (разумностью) своих действий — пресе-

чением «невежества отца», сокращением негативного влияния «плохого отца» на ребенка, созданием более благоприятных условий для жизни и развития «без этого кретина», а также иногда просто плохим настроением или неважным самочувствием: «*Меня не устраивал формат встреч. Потому что у нее все время плохое настроение, она могла просто на два месяца перестать мне давать с ним встречаться*» (М., 34 г., реб. — 9 л.). Такие препятствия, не оставляющие возможность отцу видеться с ребенком в течение дня, недели, месяцев, а иногда и нескольких лет, пока идет судебное разбирательство, опасны прежде всего тем, что ребенок фактически может перестать общаться с отцом, их «связи разрываются»: «*Про дочку ничего не знаю, полный информационный вакуум. Дочка не ходит в садик уже почти год, супруга мотивирует тем, что папа ее там украдет, требует перевода в другой садик в другом районе города*» (М., 35 л., сын 8 л., дочь 5 л.). Один из отцов признался, что из-за конфликта с бывшей женой больше не может видеться с сыном: «*Я с ним больше года не вижу. Как я с ним буду видеться? Не буду же я двери и окна выбивать*» (М., 30 л., реб. — 3 г.). Другой вспоминает, как лишился возможности видеться с сыном в детском саду: «*Я же приезжал в детский сад. После того, как она приехала и забрала его, она перестала его водить туда. Он туда не ходит совсем. Она сказала: если ты будешь приходить в садик, я не буду его туда водить*» (М., 35 л., реб. — 4 г.).

Для таких матерей характерна стратегия **затягивания судебного процесса** по вопросам о месте проживания и порядке общения отца с ребенком в надежде на то, что отец перестанет инициировать встречи с ребенком:

Она манипулировала мной. Она не брала трубку. Я приезжал к дому, звонил, а там никого нет. Или мы договаривались о встрече в суде. В итоге я приезжаю, а там никого нет, суд откладывается. Через час перезванивает: «Ой, я тут задержалась, скоро будем». Неуважение было постоянное. (М., 28 л., двое детей)

Часто в нарративах отцов встречается и стратегия **«Только в присутствии матери»** — общение с ребенком бывшая жена разрешает только в ее присутствии, что воспринимается отцами как нарушение своих прав:

Я настаивал на том, чтобы без ее присутствия, но это куча препятствий, это нужно, чтобы приставы ее вынуждали давать мне видеться с ребенком, я даже не представляю, как это сделать. То есть приставы будут ее принуждать к этому! (М., 35 л., реб. — 3 г.)

Часто запреты на свободное общение и взаимодействие с детьми, по словам отцов, объясняются установками бывшей жены на некомпетентность, непригодность, неумелость отца, который может причинить ребенку физические и психологические травмы:

С точки зрения бывшей жены, я был настолько непригодный к общению, что она боялась за безопасность ребенка. Вспоминала ситуацию, как я ненадолго как-то раз оставил коляску рядом с почтой, а я просто хотел зайти посмотреть, какая очередь на почте. На суде она приводила этот пример, что мне нельзя доверять ребенка. (М., 35 л., реб. — 8 л.)

Другой отец рассматривает контроль матери за общением как своеобразную месть за развод:

Не общаемся ни по телефону, ни по WhatsApp, были попытки общения по телефону, но это было так: телефонные звонки, видимо, на полную громкость, потому что мама здесь. И, допустим, общаемся, я ей задаю вопрос какой-то, она хочет сама ответить, а не может, потому что она смотрит на маму, боится и ждет ее ответа. Смысл так мучить ребенка? (М., 33 г., дочь — 7 л.)

Еще один отец объяснял невозможность свободного общения с ребенком «военными действиями» в отношениях с бывшей женой:

Общение с ребенком очень жестко контролировалось, были очень тяжелые отношения, психологически крайне дискомфортно. Не было возможности общения один на один, но только в ее присутствии. (М., 35 л., реб. — 5 л.)

Крайним вариантом выступает стратегия **полной блокировки или запрета на коммуникации**, заключающаяся в том, что мать создает помехи для общения отца с ребенком, трудности, которые преодолевают только самые настойчивые отцы:

Она блокирует меня везде, на всех девайсах. И никакого нет ответа, ничего! Ни телефон, ни соцсети, то есть все, не мог совсем связаться... я что-то не так сказал, и поэтому полностью заблокировала меня. Я пытался, а она никак. Ребенок фактически жил с ее родителями, а я не знал и с ума сходил. (М., 35 л., реб. — 8 л.)

Один из отцов жаловался на жесткие последствия ограничений в доступности ребенка:

У ребенка отобрали сотовый телефон, вечерами не дает общаться. Когда ребенок спрашивает: «Почему мне нельзя позвонить папе? Я сделал все домашние дела, я сделал уроки в школе». Отвечают: «Потому что!» (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Несмотря на создание отцом разных возможностей для общения с дочерью, все эти способы также пресекались:

Я дарил ей телефон, оплачивал мобильную связь, чтобы у нее был и WhatsApp, заводил аккаунты в социальных сетях, настраивал различные доступы, чтобы ребенку не дай бог ничего не вылезло в поиске. Мама отобрала у нее телефон, купила ей свой. На вопрос «почему?» она говорит: «Ты можешь следить за ребенком!» (М., 34 г., реб. — 9 л.)

Географическая сепарация проявляется в том, что бывшая жена стремится создать территориальные барьеры между отцом и ребенком, построить границы, которые трудно преодолеть из-за ограниченной мобильности, больших расстояний, проживания в разных странах, регионах, районах мегаполисов:

Она года полтора-два в Сочи прожила. Уехала, меня не спрашивала, с ребенком. Она там чем угодно занималась: и в отеле работала, и где только ни работала. В Сочи так просто не смотаешься, они на праздники приезжали, вместе с дочкой. Условно говоря, 2—3 года я видел ребенка 2—3 раза в год. (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Я очень переживал, особенно в силу расстояния, ведь я не миллионер, а билет туда-обратно — это очень дорого, 45 тысяч. Нет возможности летать каждый месяц в Сибирь, даже иногда раз в год не всегда выходит. (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Летать в Италию, где она нашла нового мужа, накладно, да и по скайпу не дает поговорить. (М., 34 г., реб. — 7 л.)

Сейчас они живут в Пушкине. На буднях туда-сюда смотаться непросто, при всем желании. Она это знает и использует как только можно, говорит ребенку, что не хочу приехать. (М., 33 г., реб. — 6 л.)

Передача ребенка на воспитание своим родителям, близким родственникам — одна из часто обсуждаемых отцами тем: матери стремятся устроить личную жизнь после развода, освободившись от повседневной заботы о ребенке. Чаще всего они передают детей на воспитание своим родителям, близким родственникам и др. Мужчины либо осуждают такое поведение, либо относятся нейтрально, либо, напротив, приветствуют появление постоянного партнера у бывшей жены, возлагая на него надежды в воспитании своего ребенка. Возмущение отцов вызывает то, что чаще всего информация о месте нахождения ребенка в этот период скрывается:

К ребенку никакого внимания не было. Он был отдан первой свекрови от гражданского брака и жил там два месяца. Там просто такая мама, которая взяла восемь детей из детдома и воспитывает их. И она отдала ей ребенка еще! Я звоню адвокату, чтобы разобрать эту ситуацию, потому что я не могу найти ребенка. В итоге жена занималась личной жизнью, а мне сказала: «Через два месяца увидишь ребенка!» Никакой договоренности не получалось. (М., 28 л., двое детей)

Создание образа опасного отца, которому нельзя доверять ребенка имеет целью опорочить отца. В таких случаях бывшая супруга, как правило, использует тайную (скрытую) информацию о мужчине, которая стала ей известна во время семейной жизни. Это сведения о заболеваемости, ситуациях с рискованным употреблением алкоголя/наркотиков, привлечении полиции, судебных разбирательствах и др. Бывшая жена начинает шантажировать мужчину и может добиваться своих целей. Один из отцов рассказал свою историю:

Она пыталась оперировать тем, что в детстве у меня была инвалидность ДЦП, хотя она в детстве была и в детстве осталась. Сам ей рассказал когда-то, а сейчас спокойно работаю. Но она пыталась этим оперировать, залезала в архивы, но ей отвечали, что никто давно не состоит на учете. Как я понял, она давно начала готовить компромат, копаться в моей жизни, просила справки с работы. (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Одно из новых и опасных для репутации отца препятствий — **обвинения в сексуальных домогательствах по отношению к ребенку**. Это детально проработанные схемы обвинения отца в сексуальных притязаниях и/или насилии с целью дискредитации, отказа от своих прав на общение с ребенком или затягивания судебных разбирательств. Подобное компрометирование мужчины в глазах общественности приводит к тому, что ему очень сложно опровергнуть эти обвинения и доказать свою невиновность. При этом даже в Санкт-Петербурге немного специалистов, которые могли бы оказать квалифицированную помощь, провести экспертизу и отличить ласковые прикосновения любящего отца от действий педофила. Один из наших экспертов, анализируя конфликтное противостояние родителей, приводит следующую ситуацию:

Мать предоставляет видеозапись: плохо видно, темно. Папа лежит на диване, смотрит телевизор, а дочка лежит где-то там головой на его животе. Она поперек дивана вместе с ним смотрит телевизор, папин живот использует вместо подушки. Мать предполагает, что он мог ее сексуально использовать. А он ее еще гладит по голове и плечам. Ну вот докажи, что это не вечер, проведенный вместе. (Э.)

Папу обвиняли в сексуальных домогательствах к ребенку семи лет. Причем мама с бабушкой настолько были фиксированные на этой теме, что какие-то рисунки ребенка хранили в сейфе, чтобы отпечатки пальцев представить, то есть пока не добьют — не успокоятся. Папа вел научную деятельность, и они поставили его в такие условия, что либо ты останешься без профессии, либо откажешься от прав на ребенка. (Э.)

Другая ситуация обвинения в сексуальных домогательствах:

Папа — врач. Дочка младенец, лежит на пеленальном столике, ее распеленали, собираются пеленать. Она говорит, что «я видела, как он прошел мимо нее, провел пальцем по промежности у нее и потом понюхал». (Э.)

Один из отцов рассказал о сексуальных практиках бывших супругов, которые, как оказалось, фиксировались женой и были использованы в качестве обвинения в гомосексуальной ориентации:

В начале отношений всякие глупости были для яркости впечатлений, переодевался в женскую одежду, она в мужскую, бегали по квартире друг за другом, теперь она фотографии эти показывает на суде, говорит, что у меня гомосексуальные наклонности. (М., 34 г., реб. — 7 л.)

Стратегия **ограничения и/или лишения отца родительских прав** проявляется в том, что бывшая жена стремится лишить или запугать отца лишением родительских прав на основании нарушения постановления суда о порядке общения отца с ребенком, компрометации, невыполнения алиментных обязательств, болезни, пребывания в местах заключения и др. Как свидетельствуют материалы исследования, этот способ управления поведением второго родителя — довольно

распространенная практика. Такая линия поведения часто используется родителями, если необходимо организовать продажу собственности, например, квартиры, в которой есть доля ребенка, или поехать за границу — на постоянное место жительства или в кратковременную поездку. Для осуществления этих действий необходимо иметь разрешение второго родителя, который, как правило, бывает не согласен, тогда первый стремится лишить его родительских прав. По мнению одного из экспертов, практика подготовки психолого-педагогических экспертиз показывает, что «это непреодолимо совершенно, потому что здесь можно уже отыграться на все сто процентов. Хочешь — не хочешь — ты нарушаешь права ребенка. Он мог бы иметь отдельную комнату, а из-за тебя, например, только десятую долю имеет, поэтому мы тебя лучше лишим родительских прав со всеми вытекающими последствиями» (Э.).

Для многих отцов лишение родительских прав представляется совершенно неприемлемым способом выяснения отношений с бывшей супругой по порядку общения с детьми:

Ребенок плачет по воскресеньям: «Я не хочу к маме». А я не могу ее не доставить, потому что если я нарушу медитативное соглашение, то она подаст на меня в суд о лишении родительских прав. (М., 34 г., реб.— 8 л.)

Я не знаю, какая там договоренность, но воспитатели звонят ей. По решению суда я могу видеть ее только в субботу и воскресенье с десяти до семнадцати в ее присутствии. То есть, если я приду в садик, она выйдет в суд с решением о лишении меня родительских прав. (М., 35 л., реб.— 4 г.)

Финансовые притязания — в восприятии мужчины бывшая жена предстает меркантильной и прагматичной женщиной, стремящейся использовать ситуацию развода и споры по поводу порядка проживания и общения с ребенком, а также эмоциональную вовлеченность и любовь отца к ребенку в корыстных целях — завладеть имуществом отца (квартирой, машиной, техникой и др., получить денежную компенсацию, вклады, оплату поездок за рубеж, аренду квартиры и др.):

Ей от меня нужны были только деньги, я оплатил лечение ребенка за рубежом, а она обманула меня, увезла ребенка, никакого лечения не было. (М., 34 г., двое детей)

Я специально переехал, здесь сдал, там снял квартиру, чтобы видеться с сыном, быть в шаговой доступности от ребенка. Но эйфория моя продлилась недолго, она мне выдвинула условия, на которые я не могу согласиться. Она хочет, чтобы я на нее переписал вот эту жилплощадь, где мы сейчас с сыном зарегистрированы. (М., 28 л., реб.— 3 г.)

Я брал кредиты для нее, которые до сих пор отдаю, и видеться поэтому запрещает. (М., 35 л., реб.— 5 л.)

Она мне скидывает видео и сообщение: «Напишешь доверенность на квартиру, тогда и будем разбираться, будешь ли ты с сыном видеться или нет!». Скидывает видео, где

показывает ему мою фотографию, спрашивает, знает ли он, кто это, а ребенок говорит: «Нет, не знаю!» (М., 35 л., реб.— 6 л.)

Такие притязания могут распространяться не только на имущество отца, но и на его ближайших родственников:

Ей от первого брака достались несколько объектов недвижимости, которые она сдает и может позволить себе жить, ни в чем себе не отказывая. Но она хочет еще путешествовать, развлекаться, а пусть мои родители или сестра перепишут квартиру ей. (М., 35 л., реб.— 6 л.)

Она уехала к себе, увезя некоторые вещи из квартиры, например кухонный гарнитур карельской березы, драгоценности семейные, не отдашь — не будет тебе ребенка! (М., 33 г., реб.— 3 г.)

В историях экспертов и информантов встречались ситуации, когда отцы не могли встретиться с детьми, поскольку выплачивали кредиты на организацию свадебной церемонии, платных родов, зарубежных поездок, ценных подарков супруге:

Несколько лет не объявлялся, а была простая причина — роды были платные, кредиты были набраны, по алиментам должен был, и у нее было основание: «Ты не выполняешь, пошел вон!» И вот пока не выплатил все долги, не мог показаться. Вот когда все это заработал, заплатил, отдал, только тогда... (М., 31 г., реб.— 5 л.)

Алиментный контроль проявляется в том, что главным аргументом матери в недоступности ребенка для отца выступают факт отсутствия выплат на содержание ребенка, недостаточность их размера или нерегулярность. В материалах интервью раскрываются различные варианты материальной поддержки отцов своих детей.

При этом одни отцы переводили деньги на счет матери до решения суда о назначении алиментов, другие лично передавали деньги жене, третьи покупали одежду, продукты, оплачивали летний отдых на море, поездки и др. Ни один из опрошенных отцов не был доволен тем, как расходуются бывшими женами алиментные деньги, и все предлагали различные варианты изменения порядка содержания ребенка. Вместе с тем, несмотря на выполнение финансовых обязательств и регулярную поддержку, каждый из них оказался лишенным возможности видеть своего ребенка:

Полгода так и было, естественно, все на доверии. Я просто переводил ей по карте деньги. А потом выходит судебный приказ. Я ей звоню, говорю: «Что такое? Тебя не устраивает?» На что слышу ответ: «Вдруг ты откажешься платить». Я как бы юридически не подкован был, потом с меня удержали за весь этот период. То есть помимо того, что я платил, еще сверху надо было заплатить, а ребенка все равно не видел. (М., 33 г., реб.— 7 л.)

Обсуждение результатов исследования

Мы исходили из предположения о том, что препятствия, создаваемые матерями и ограничивающие контакты отца с ребенком после развода, обусловлены взаимным негативным восприятием родителей друг друга. В данном исследовании мы сосредоточились на восприятии отцов. Оценки, мнения, переживания мужчин отражают ту психологическую реальность, в которой они живут. Это их личный, субъективный опыт, которому у них нет оснований не доверять и из которого они исходят, интерпретируя прошлые события, причины действий (свои и других), планируя будущее. В ситуациях конфликтного взаимодействия, в том числе гейткипинга, особенно важно определить содержание психологической реальности сторон (в данном случае мужчин), выстраиваемую ими причинную интерпретацию происходящих событий.

Матери используют различные практики контроля над повседневными взаимодействиями отцов с детьми. Проведенный типологический анализ на основе критериев целей и средств их реализации показал, что в основе доминирующих целей гейткипинга лежит стремление матерей к отчуждению отца от ребенка и перезагрузке жизни — своей и ребенка, дискредитация его в глазах детей, окружающих, общественном мнении, месть. Не менее важны демонстрация доминирования матери и получение материальных благ. Средства, используемые матерями, характеризуются многообразием и изощренностью. Среди них как агрессивные риторика и практики, проявляющиеся в запретах, контроле, оскорблениях, угрозах, запугиваниях, так и более изощренные варианты, поражающие изобретательностью, цинизмом и жестокостью (подготовка фальшивых экспертиз, компромат, обвинения в сексуальных притязаниях или насилии, введение в заблуждение судей, специалистов по психолого-педагогической экспертизе, использование личных данных бывшего мужа с целью опорочить, создать плохую репутацию и др.).

Для части матерей характерны смешанные стратегии борьбы за контроль и власть над доступностью ребенка, сочетающие одну-две или несколько стратегий. Объединяет матерей присущая им авторитарная установка на пренебрежение и/или отвержение участия отцов в заботе о детях. Объяснения этому могут быть связаны с распавшимся браком, претензиями матери к финансовым обязательствам отца, конфликтностью отношений, властностью матери, стремлением сохранить доминирование в воспитании ребенка, традиционным разделением гендерных ролей. При этом для матерей, обладающих бедными культурными и экономическими ресурсами, скорее характерны открытые агрессивные практики гейткипинга *«папа плохой!», «папа — лишний!», запугивания, угроз, оскорблений, «не хочу и не дам, все равно не дам!», финансового и алиментного контроля и др.*, для матерей с культурным капиталом — более изощренные практики *компрометирования/дискредитации отца в общественном мнении, обвинения в сексуальных домогательствах к ребенку, требование соблюдения жестких правил, ограничение и/или лишение отца родительских прав, географическая сепарация и др.*

Мотивы создания барьеров матерями могут быть обусловлены комплексом разнообразных причин: от переживания негативных чувств, вызванных разводом (злости, гнева, отчаяния), до осознания факта несостоявшейся семейной жизни, от ощущения разочарования и обиды до стремления причинить боль

и страдание, от желания унижить и оскорбить до потребности в мести и шантаже. Конструирование препятствий проявляется и в стремлении повлиять на психологическое состояние мужчины и тем самым добиться целей, связанных с экономическими интересами — увеличить размер алиментов, дополнительных выплат, добиться неформальных договоренностей и условий, завладеть собственностью, обеспечить выгодный раздел совместного имущества. При этом интересы и потребности детей не осознаются или остаются без внимания, а сами дети выступают инструментом решения финансовых вопросов, разрешения психологических трудностей, манипулирования в интересах родителей.

Молодые отцы, отобранные для исследования с учетом критерия «наличие конфликта с бывшей женой по поводу проживания, общения и воспитания ребенка», реализуют модель постразводного отцовства «борец за права». Основа этой модели — феномен «уязвленной маскулинности», которая раскрывается в воспринимаемой мужчиной проигранной борьбе за власть и принятие семейных решений. В фокусе ключевой претензии к бывшей жене, на наш взгляд, лежит повседневная борьба мужчин за доминантную позицию в семье, стремление к контролю и регулированию отношений, потребность во власти и реализации ответственности, что обеспечивает позицию семейного лидера и обеспечивает ресурс поддержания гегемонной маскулинности. Не получая в повседневной жизни подтверждения своего лидерства, мужчины испытывают болезненные реакции, которые продолжаются и после развода.

Вместе с тем существенный вклад в семейные споры о детях в российском контексте вносит гендерная идеология, воспроизводящая набор стереотипизированных представлений о доминирующей роли матери в заботе о детях. Пробелы в семейном законодательстве, отстающем от реальных практик бракоразводных процессов и семейных споров с участием детей, также снижают доступность детей для общения с отцом. Способствуют культурному воспроизводству контролирующих практик матерей и специфические барьеры при организации социальной работы с разведенными семьями, недостаток конструктивного взаимодействия специалистов разных ведомств, служб и организаций.

Настоящее исследование имеет свои ограничения, поскольку выполнено на небольшой выборке молодых отцов, преимущественно имеющих высшее образование. С целью получения достоверных данных и возможности переноса результатов на генеральную совокупность конфликтующих разведенных родителей представляется важным провести качественный анализ мнений женщин — бывших жен о конфликте, мотивации и практиках родительского гейткипинга, а также целесообразно провести количественный анализ выделенных барьеров и практик гейткипинга, характерных для данной целевой группы.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать несколько выводов для практической реализации его результатов. Типология гейткипинга может быть использована специалистами при диагностике мотивации родительских конфликтов о детях в процессе развода и в постразводной ситуации, при подготовке экспертных заключений о порядке общения и месте проживания детей

в ситуации развода, при вынесении решений об опеке над детьми в судебной практике, при оказании адресной и дифференцированной социальной помощи родителям для конструктивного взаимодействия в интересах детей в ситуации развода. Понимание целей и средств осуществления материнского гейткипинга может помочь разводящимся/разведенным родителям лучше осознать ситуацию, свои интересы и действия, отделить свои интересы от интересов детей, спрогнозировать будущее своего ребенка без отца, переосмыслить ценность участия родного отца в жизни ребенка и принять верное решение.

Представляется важным развитие и активное продвижение новой технологии работы с семьями — семейной медиации, переговоров по спорным вопросам взаимоотношений с участием профессионального посредника, направленных на гармонизацию семейных отношений, разрешение кризисных ситуаций. Кроме того, медиация имеет ключевое значение в качестве триггера, запускающего процесс осознания родителями, в чем действительно заключаются интересы ребенка, а также способа подготовки соглашения родителей по поводу определения места жительства и порядка общения с ребенком до суда. К сожалению, семейная медиация по-прежнему остается не всегда доступной и бесплатной формой урегулирования родительских конфликтов даже в Санкт-Петербурге. С учетом значительного числа распадающихся браков с детьми настоятельно необходимо разрабатывать и внедрять новые эффективные технологии профилактики разводов, урегулирования семейных конфликтов, сглаживания негативных явлений постразводной адаптации супругов и детей, снижения напряженности в семейных отношениях и др. Несмотря на то, что такие технологии уже существуют, их внедрение отстает от потребностей и запросов практики [Барабохина, 2017; Камышова, 2018; Камышова, Лазарева, 2018 и др.]. Важно «переходить от слов к делу» в подготовке молодежи к семейной жизни, разработке и внедрении соответствующих проектов, программ и учебных курсов. Работа в этом направлении уже частично началась в отдельных регионах страны [Купецкова, Редя, Смирнова, 2012; Панфилова, Шумилина, 2015; Карцева и др., 2016, Сорокина, Беккер, Тарасова, 2016; Карцева, 2018; Келасьев и др., 2019], но существует острая необходимость в реализации этих программ в активных и адекватных современным реалиям формах. Не менее значимо совершенствование правовых механизмов реализации совместной опеки родителей над детьми на всех этапах развода «на паритетной основе» [Зыков, 2018: 91], имеющей целью реализацию прав и наилучших интересов детей в возможности общения с обоими родителями и воспитания как матерью, так и отцом.

Список литературы (References)

- Антонов Г. В., Лактюхина Е. Г. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 24—34. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31>.
- Antonov G. V., Laktukhina E. G. (2015) The Crisis of Marriage Institutions in Modern Russia: Reality or Fiction? *Voprosy Statistiki*. No. 7. P. 24—34. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31>. (In Russ.)

Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129—136.

Arkhangelskiy V. N. (2013) Reproductive and Marital Behavior. *Sociological Studies*. No. 2. P. 129—136. (In Russ.)

Барабохина В. А. Воспитание детей «неделя через неделю» // Практика социальной работы. Открытый методический ресурс. 2017. № 1.

Barabokhina V. A. (2017) Parenting “A Week in a Week”. *Practice of Social Work: An Open Methodical Resource*. No. 1. (In Russ.)

Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118—130.

Bezrukova O. N. (2013) Fatherhood in the Transforming Society: Mothers’ Expectations and Fathers’ Practices. *Sociological Studies*. No. 11. P. 118—130. (In Russ.)

Безрукова О. Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 88—110. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5003>.

Bezrukova O. N. (2017) The Values of Children and Parenthood: Intergenerational Dynamics. *Sociological Journal*. Vol. 23. No. 1. P. 88—110. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5003>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Рыскина В. Л., Самойлова В. А. Культурный капитал материнства и ценности семейного воспитания: сравнительный анализ // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 107—128. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4588>.

Bezrukova O. N., Ryskina V. L., Samoylova V. A. (2016) The Cultural Capital of Motherhood and the Values of Family Upbringing: A Comparative Analysis. *Sociological Journal*. Vol. 22. No. 3. P. 107—128. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4588>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 44—54.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2016) Authoritarian Syndrome in Mothers’ Child-Rearing Culture. *Sociological Studies*. No. 8. P. 44—54. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116—125. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070133>.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2017) Paternity Leave in Russia: A Dream or Reality? *Sociological Studies*. No. 7. P. 116—125. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070133>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90—101. <https://doi.org/10.31857/S013216250005796-8>.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2019) ‘Eager Dads’ and ‘Dads against Their Will’, or Why Russian Dads are Reluctant to Go on Parental Leave. *Sociological Studies*. No. 7. P. 90—101. <https://doi.org/10.31857/S013216250005796-8>. (In Russ.)

Бурменская Г. В., Алмазова О. В., Карабанова О. А., Захарова Е. И., Долгих А. Г., Молчанов С. В., Садовникова Т. Ю. Эмоционально-смысловое отношение девушек к материнству // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 46—64. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260404>.

Burmenskaya G. V., Almazova O. V., Karabanova O. A., Zakharova E. I., Dolgikh A. G., Molchanov S. V., Sadovnikova T. Yu. (2018) Girls' Emotional and Meaningful Attitude to Motherhood. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 26. No. 4. P. 46—64. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260404>. (In Russ.)

Воронина Т. Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 21—31.

Voronina T. D. (2011) Divorce as a Social Phenomenon in Contemporary Russia: Causes and Consequences. Experience in Regional Research. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 1. P. 21—31. (In Russ.)

Воронцова М. Г. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 145—148.

Vorontsova M. G. (2000) Do Fathers Participate in Maintenance of Their Children? *Sociological Studies*. No. 11. P. 145—148. (In Russ.)

Гольцова Е. В., Лещенко Я. А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125—130.
Goltsova E. V., Leshchenko Ya. A. (2010) Factors of the Social Environment as Determinants of Marriage and Birth Rates. *Sociological Studies*. No. 2. P. 125—130. (In Russ.)

Гурко Т. А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110—120.

Gurko T. A. (2008) Alimony: Factor of Qualitative and Quantitative Reproduction of Population. *Sociological Studies*. No. 9. P. 110—120. (In Russ.)

Гурко Т. А. Отцовство в молодых семьях и после развода // Актуальные проблемы родительства в России / под отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 52—72.

Gurko T. A. (2013) Fatherhood in Young Families and after Divorce. In: Gurko T. A. (ed.) *Actual Problems of Parenthood in Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. P. 52—72. (In Russ.)

Гурко Т. А. Становление социологии семьи в России // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 40—52. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060041>.

Gurko T. A. (2018) Formation of the Sociology of Family in Russia. *Sociological Studies*. No. 6. P. 40—52. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060041>. (In Russ.)

Даниленков А. А. Возрастной ценз ребенка как один из способов ограничения прав отцов в РФ // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 10—15.

Danilenkov A. A. (2013) Age Qualification of a Child as One of Methods of Illegitimate Limitation of Fathers' Rights in the Russian Federation. *Family and Housing Law*. No. 2. P. 10—15. (In Russ.)

Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97—102.

Egorova N. Yu., Sizova I. L. (2014) Has Russian Family Chance to Become a Supportive One? *Sociological Studies*. No. 4. P. 97—102. (In Russ.)

Захаров С. В. Браки и разводы // Население России — 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / под отв. ред. А. Г. Вишневого. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2008. С. 71—97.

Zakharov S. V. (2008) Marriages and Divorces. In: Vishnevskiy A. G. (ed.) *Population of Russia — 2006. The Fourteenth Annual Demographic Report*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. P. 71—97. (In Russ.)

Захаров С. В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. 2013. № 545—546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения: 27.06.2020).

Zakharov S. V. (2013) Where is Marriage Going in Russia? *Demoscope Weekly*. No. 545—546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения: 27.06.2020). (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96—137.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2007) Soviet Etacritic Gender Order. In: Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (eds.) *Russian Gender Order: Sociological Approach*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Press. P. 96—137. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Зыков С. В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92—111. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111>.

Zykov S. V. (2018) Joint Physical Custody or Determining Place of Residence of the Child on Parity Basis? *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 1. P. 92—111. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111>. (In Russ.)

Иванова Е. А. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 132—150. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.8>.

Ivanova E. A. (2017) “I Don’t Consider Myself a Good Dad, at Best, an Average One”: How Russian Men Construct the Image of a “Good Father” after Divorce. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 5. P. 132—150. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.8>. (In Russ.)

Иванова Е. А. Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота? Исследование практик содержания ребенка отцами после развода // Экономическая социология. 2018. № 4. С. 101—133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>.

Ivanova E. A. (2018) Child Support as Multiple Monies: Contribution, Duty, or Care? Research on Fathers’ Practices of Child Maintenance after Divorce. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 101—133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>. (In Russ.)

Иссерс О. С. «Право быть отцом»: лингвокогнитивный анализ стереотипов российского общества о правах и обязанностях отцов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 37—50. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-37-50>.

Issers O. S. (2017) “A Right to Be a Father”: Stereotypes of Russian Society about Fathers’ Rights and Duties Described in Mass Media, Blogosphere and Social Advertising. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 3. P. 37—50. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-37-50>. (In Russ.)

Камышова Е. В., Лазарева З. Н. Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 25—29. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.5>.

Kamyshova E. V., Lazareva Z. N. (2018) Social Correction of the Relationships between Children and Relatives of a Non-Custodial Parent after a Divorce. *Theory and Practice of Social Development*. No. 1. P. 25—29. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.5>. (In Russ.)

Камышова Е. В. Социальная работа с семьями на разных стадиях развода // Теория и практика общественного развития. 2018. № 8. С. 39—42. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.8.6>.

Kamyshova E. V. (2018) Social Work with Families at Different Stages of Divorce. *Theory and Practice of Social Development*. No. 8. P. 39—42. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.8.6>. (In Russ.)

Карцева Л. В. Семейведение в образовательном пространстве Татарстана // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1. С. 121—125.

Kartseva L. V. (2015) Family Science in the Educational Environment of Tatarstan. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 1. P. 121—125. (In Russ.)

Карцева Л. В., Богачева Н. В., Низамиева О. Н., Яныкина А. Н., Садыкова Т. И. *Семьеведение: книга для учителя*. Казань : Казанский государственный институт культуры, 2016.

Kartseva L. V., Bogacheva N. V., Nizamieva O. N., Yanykina A. N., Sadykova T. I. (2016) *Family Science: A Book for a Teacher*. Kazan: Kazan State Institute of Culture. (In Russ.)

Келасьев В. Н., Первова И. Л., Шишкина Е. А. *Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни: учебное пособие*. СПб. : Астерион, 2019.

Kelasiev V. N., Pervova I. L., Shishkina E. A. (2019) *Preparing the Younger Generation for Family Life: A Tutorial*. Saint Petersburg: Asterion. (In Russ.)

Клещина И. С., Иоффе Е. В. *Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе* 2019. № 3. С. 72—90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6>.

Kletsina I. S., Ioffe E. V. (2019) *The Norms of Female Behavior: Traditional and Contemporary Models*. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 72—90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6>. (In Russ.)

Клупт М. А. *Влияние семейной политики и нормативных представлений о семье на рождаемость: компаративный анализ // Социологические исследования*. 2020. Т. 46. № 3. С. 40—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250008812-6>.

Klupt M. A. (2020) *Influence of Family Policy and Normative Beliefs about Family on Fertility: A Comparative Analysis*. *Sociological Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 40—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250008812-6>. (In Russ.)

Кон И. С. *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 2009.

Kon I. S. (2009) *Man in the Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Купецкова Е. Ф., Редя Г. П., Смирнова И. Ф. *Семьеведение: программа курса для учащихся 1—11 кл. общеобразовательных учреждений. Методические рекомендации для учителя / под ред. С. П. Кудиновой*. М. ; Пенза, 2012.

Kupetskova E. F., Redya G. P., Smirnova I. F. (2012) *Family Science: Course Program for Students in Grades from 1st to 11th. Guidelines for Teachers*. Moscow, Penza. (In Russ.)

Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. *Причины развода в современной России // Народонаселение*. 2016. № 4. С. 57—67.

Laktyukhina E. G., Antonov G. V. (2016) *Causes of Divorce in Modern Russia*. *Population*. No. 4. P. 57—67. (In Russ.)

Микляева А. В., Румянцева П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном интернет-дискурсе // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 67—77.

Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. (2018) *#Sheisamother: Implicit Social Beliefs about Motherhood in the Modern Russian Internet Discourse*. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 67—77. (In Russ.)

Население России — 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

Vishnevsky A. G. (ed.) Population of Russia 2009. The Seventeenth Annual Demographic Report. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2011. (In Russ.)

Панфилова Л. В., Шумилина Т. О. Основы семейной жизни: программа регионального курса. Владимир, 2015.

Panfilova L. V., Shumilina T. O. (2015) Family Life Basics: Regional Course Program. Vladimir. (In Russ.)

Прокофьева Л., Валетас М.-Ф. Отцы и их дети после развода // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 111—115.

Prokofyeva L., Valetas M.-F. (2002) Fathers and Their Children after Divorce. *Sociological Studies*. No. 6. P. 111—115. (In Russ.)

Ржаницына Л. С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 56—65.

Rzhanitsyna L. S. (2010) Alimonies for Children as an Element of Civic Responsibility. *Sociological Studies*. No. 7. P. 56—65. (In Russ.)

Ржаницына Л. С. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. М.: Институт экономики РАН, 2012.

Rzhanitsyna L. S. (2012) Child Support in Russia: Analysis of Problems and Strategy in Children Interests. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Ржаницына Л. С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 65—69.

Rzhanitsyna L. S. (2015) Improving Position of Children in Divorced Families. *Sociological Studies*. No. 3. P. 65—69. (In Russ.)

Русских Л. В. Состояние и проблемы современного отцовства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 3. С. 94—98. <http://dx.doi.org/10.14529/ssh180315>.

Russkikh L. V. (2018) The State and Problems of Modern Fatherhood. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. Vol. 18. No. 3. P. 94—98. <http://dx.doi.org/10.14529/ssh180315>. (In Russ.)

Синельников А. Б. Субъективные причины развода: данные исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 116—139.

Sinelnikov A. B. (2017) Divorce for Subjective Reasons: The Survey Data. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 23. No. 3. P. 116—139. (In Russ.)

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.

Sinelnikov A. B. (2018) Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>. (In Russ.)

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: Мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Solodnikov V. V. (2018) Russian Sociological and Psychological Research of the Family: Meta-Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>. (In Russ.)

Сорокина Е. Е., Беккер Н. С., Тарасова Г. Р. Семейведение: культура взаимоотношений. Книгадлечения. Уфа : Астарт, 2016.

Sorokina E. E., Becker N. S., Tarasova G. R. (2016) Family Science. Relationship Culture: A Reader. Ufa: Astarta. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. Т. 9. № 3. С. 112—125.

Tartakovskaya I. N. (2002) Men in the Labor Market. *Sociological Journal*. Vol. 9. No. 3. P. 112—125. (In Russ.)

Шелютто М. Л. Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 56—64. <https://doi.org/10.12737/1548>.

Shelyutto M. L. (2013) Realization of Constitutional Principles of Family Law in the Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. No. 12. P. 56—64. <https://doi.org/10.12737/1548>. (In Russ.)

Шевченко И. О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70—77.

Shevchenko I. O. (2015) The Situation after Divorce: Fathers and Children. *Sociological Studies*. No. 3. P. 70—77. (In Russ.)

Шелуханова Л. В. Роль отца в инвестировании социального капитала в развитие ребенка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3. С. 109—115.

Shelukhanova L. V. (2017) Father's Role in the Investment of Social Capital into the Child's Development. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 3. P. 109—115. (In Russ.)

Якушев П. А. Учет возраста и пола ребенка при определении его места жительства при раздельном проживании родителей // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 28—31.

Yakushev P. A. (2018) Consideration of Child's Age and Sex in Determination of the Child's Place of Residence in Case of Spousal Estrangement. *Family and Housing Law*. No. 2. P. 28—31. (In Russ.)

Янак А. Л. Практики постразводного отцовства: некоторые проблемы в осуществлении родительской роли // Политика и общество. 2016. № 3. С. 369—373.

Yanak A. L. (2016) Practices of Post-Divorce Fatherhood: Some Problems in Realization of Parental Role. *Politics and Society*. No. 3. P. 369—373. (In Russ.)

Янак А. Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2. С. 124—131.

Yanak A. L. (2018) Father Involvement in Different Types of Families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 2. P. 124—131. (In Russ.)

Adamsons K. (2010) Using Identity Theory to Develop a Midrange Model of Parental Gatekeeping and Parenting Behavior. *Journal of Family Theory & Review*. Vol. 2. No. 2. P. 137—148. <https://doi.org/10.1111/j.1756-2589.2010.00047.x>.

Allen S. M., Hawkins A. J. (1999) Maternal Gatekeeping: Mothers' Beliefs and Behaviors that Inhibit Greater Father Involvement in Family Work. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 61. No. 1. P. 199—212. <https://doi.org/10.2307/353894>.

Amato P. R., Meyers C. E., Emery R. E. (2009) Changes in Nonresident Father-Child Contact from 1976 to 2002. *Family Relations*. Vol. 58. No. 1. P. 41—53. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2008.00533.x>.

Andreasson J., Johansson T. (2019) Becoming a Half-Time Parent: Fatherhood after Divorce. *Journal of Family Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 2—17. <https://doi.org/10.1080/13229400.2016.1195277>.

Arellanes J. A., Parke R., Gudmunson C. G. (2017) Reconceptualizing Gatekeeping Practices: Towards a View of Partner Co-Regulation. 2017 NCFR Annual Conference. Saint Paul, MN: National Council on Family Relations. URL: <https://www.ncfr.org/sites/default/files/2017-08/TCRM%201%20-%20A%20Theoretical%20Reconceptualization%20of%20Gatekeeping%20Practices.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).

Arendell T. (1996) Co-Parenting: A Review of the Literature. Preprint No. LR-CP-96-03. Philadelphia, PA: National Center on Fathers and Families: University of Pennsylvania.

Ashwin S. (2001) Male Social Exclusion in Contemporary Russia. Paper Presented to the 5th ESA Conference. Helsinki: University of Helsinki.

Austin W. G., Fieldstone L., Pruett M. K. (2013) Bench Book for Assessing Parental Gatekeeping in Parenting Disputes: Understanding the Dynamics of Gate Closing and Opening for the Best Interests of Children. *Journal of Child Custody*. Vol. 10. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.1080/15379418.2013.778693>.

Austin W. G., Pruett M. K., Kirkpatrick H. D., Flens J. R., Gould J. W. (2013) Parental Gatekeeping and Child Custody/Child Access Evaluation: Part I: Conceptual Framework, Research, and Application. *Family Court Review: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 51. No. 3. P. 485—501. <https://doi.org/10.1111/fcre.12045>.

Beitel A. H., Parke R. D. (1998) Paternal Involvement in Infancy: The Role of Maternal and Paternal Attitudes. *Journal of Family Psychology*. Vol. 12. No. 2. P. 268—288. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.12.2.268>.

- Borisenko Yu. V., Evseenkova E. V. (2019) Differences in Fathering among Russian Men Brought Up with and without a Father. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 12. No. 3. P. 105—120. <http://doi.org/10.11621/pir.2019.0308>.
- Bradshaw J., Skinner C., Stimson C., Williams J. (1999) *Absent Fathers?* London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203028773>.
- Cancian M., Meyer D. R., Brown P. R., Cook S. T. (2014) Who Gets Custody Now? Dramatic Changes in Children's Living Arrangements after Divorce. *Demography*. No. 51. No. 4. P. 1381—1396. <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0307-8>.
- Carrigan T., Connell B., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*. Vol. 14. No. 5. P. 551—604. <https://doi.org/10.1007/BF00160017>.
- Coakley T. M., Shears J. K., Randolph S. D. (2015) Understanding Key Barriers to Fathers' Involvement in Their Children's Lives. *Child & Youth Services*. Vol. 35. No. 4. P. 343—364.
- Coltrane S. (2004) Fathering: Paradoxes, Contradictions, & Dilemmas. In: Coleman M., Ganong L. H. (eds.) *Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 224—243.
- Connell R. W. (1995) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- DeGarmo D. S., Reid J. B., Leve L. D., Chamberlain P., Knutson J. F. (2010) Patterns and Predictors of Growth in Divorced Fathers' Health Status and Substance Use. *American Journal of Men's Health*. Vol. 4. No. 1. P. 60—70. <https://doi.org/10.1177/1557988308329454>.
- Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 60. No. 2. P. 277—292. <https://doi.org/10.2307/353848>.
- Fabricius W. V., Braver S. L., Diaz P., Velez C. E. (2010) Custody and Parenting Time: Links to Family Relationships and Well-Being after Divorce. In: Lamb M. E. (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. Hoboken, NJ: Wiley. P. 201—240.
- Fagan J., Barnett M. (2003) The Relationship Between Maternal Gatekeeping, Paternal Competence, Mothers' Attitudes about the Father Role, and Father Involvement. *Journal of Family Issues*. Vol. 24. No. 8. P. 1020—1043. <https://doi.org/10.1177/0192513X03256397>.
- Fagan J., Palkovitz R. (2011) Coparenting and Relationship Quality Effects on Father Engagement: Variations by Residence, Romance. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 73. No. 3. P. 637—653. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00834.x>.
- Jeynes W. H. (2015) A Meta-Analysis: The Relationship between Father Involvement and Student Academic Achievement. *Urban Education*. Vol. 50. No. 4. P. 387—423. <https://doi.org/10.1177/0042085914525789>.
- Jordan A. (2009) 'Dads aren't Demons. Mums aren't Madonnas.' Constructions of Fatherhood and Masculinities in the (Real) Fathers 4 Justice Campaign. *Journal of*

Social Welfare and Family Law. Vol. 31. No. 4. P. 419—433. <https://doi.org/10.1080/09649060903430280>.

Jordan A. (2018) Masculinizing Care? Gender, Ethics of Care, and Fathers' Rights Groups. *Men and Masculinities*. Vol. 23. No. 1. P. 20—41. <https://doi.org/10.1177/1097184X18776364>.

Kalmijn M. (2015) Father-Child Relations after Divorce in Four European Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 251—276. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2015-10en>.

Kulik L., Tsoref H. (2010) The Entrance to the Maternal Garden: Environmental and Personal Variables that Explain Gatekeeping. *Journal of Gender Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 263—277. <https://doi.org/10.1080/09589236.2010.494342>.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*. Vol. 37. No. 4. P. 451—457. <https://doi.org/10.2307/584119>.

LaRossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Mille R. R., Browning S. L., Spruance L. M. (2001) An Introduction and Brief Review of the Impacts of Incarceration on the African American Family. *Journal of African American Men*. Vol. 6. No. 1. P. 3—12. <https://doi.org/10.1007/s12111-001-1010-6>.

Moore E. (2012) Paternal Banking and Maternal Gatekeeping in Postdivorce Families. *Journal of Family Issues*. Vol. 33. No. 6. P. 745—772. <https://doi.org/10.1177/0192513X11428444>.

O'Donnell J. M., Johnson W. E., D'Aunno L. E., Thornton H. L. (2005) Fathers in Child Welfare: Caseworkers' Perspectives. *Child Welfare*. Vol. 84. No. 3. P. 387—414.

Plantin L., Olukoya A. A., Ny P. (2011) Positive Health Outcomes of Fathers' Involvement in Pregnancy and Childbirth Paternal Support: A Scope Study Literature Review. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. Vol. 9. No. 1. P. 87—102.

Pleck J. (1976) The Male Sex Role: Definitions, Problems, and Sources of Change. *Journal of Social Issues*. Vol. 32. No. 3. P. 155—164. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02604.x>.

Pleck J. (1987) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

Poole E., Speight S., O'Brien M., Connolly S., Aldrich M. (2016) Who are Non-Resident Fathers? A British Socio-Demographic Profile. *Journal of Social Policy*. Vol. 45. No. 2. P. 223—250. <https://doi.org/10.1017/S0047279415000653>.

Pruett M. K., Arthur L. A., Ebling R. (2007) The Hand that Rocks the Cradle: Maternal Gatekeeping after Divorce. *Pace Law Review*. Vol. 27. No. 4. P. 709—739.

Puhlman D. J., Pasley K. (2013) Rethinking Maternal Gatekeeping. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 5. No. 3. P. 176—193. <https://doi.org/10.1111/jftr.12016>.

Rosenberg J., Wilcox W. B. (2006) *The Importance of Fathers in the Healthy Development of Children*. Washington, DC: U. S. Department of Health and Human Services.

Sturm R. E., Antonakis J. (2015) Interpersonal Power: A Review, Critique, and Research Agenda. *Journal of Management*. Vol. 41. No. 1. P. 136—163. <https://doi.org/10.1177/0149206314555769>.

Trinder L. (2008) Maternal Gate Closing and Gate Opening in Postdivorce Families. *Journal of Family Issues*. Vol. 29. No. 10. P. 1298—1324. <https://doi.org/10.1177/0192513X08315362>.